

Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена

Université de Genève

Международный благотворительный фонд им. Д. С. Лихачева

АНО «Поддержка культурного наследия»

Федеральное агентство по культуре и кинематографии

Комитет по науке и высшей школе Правительства Санкт-Петербурга

Петербургский институт нудайки

МОРТИРА И СВЕЧА

Материалы международной летней школы по авангарду,
посвященной столетию со дня рождения Даниила Хармса

Научный редактор *Александр Кобринский*

Поселок Поляны Усукирко Ленинградской области
2005

Неизвестные рассказы М. Зощенко: к истории сотрудничества писателя с сатирическими журналами

В январе 1922 года у М. Зощенко вышла первая книжка его рассказов «Рассказы Назара Ильича господина Синебрюхова».¹ С этого года М. Зощенко приобретает широкую известность и постоянно печатает свои рассказы в периодических изданиях «Литературная неделя», «Красная новь», в сборниках «Наши дни», «Петербургский сборник» и др. Осенью 1922 года М. Зощенко начинает сотрудничать с тонкими юмористическими журналами и во многом благодаря этой почти десятилетней работе станет одним из самых известных и узнаваемых авторов.

Первый юмористический журнал, в котором Зощенко начал работать, назывался «Мухомор». В нем печатались Вяч. Шишков, А. Флит, С. Нельдихен, Лидия Лесная, А. Аверченко, В. Пяст, М. Кузмин и др. В «Мухоморе» в 1922 году кроме Зощенко печатались и другие участники группы «Серapiионовы братья» — В. Каверин, Е. Полонская, К. Федин, М. Слонимский, Л. Лунц.² Зощенко хотя и значился в списке сотрудников «Мухомора» в 6 (июльском) номере журнала за 1922 год, тем не менее, первый свой рассказ напечатал только в 11 (октябрьском) номере за этот год. С тех пор он регулярно сочинял для журнала рассказы или всякие мелочи: например, юмористические «сенсационные известия» и «Письма в редакцию» (№ 12, С.4, 5).

В 10 (сентябрьском) номере журнала «Мухомор» за 1922 год был опубликован рассказ «Жилка» из цикла «Рассказы бомбометателя». В конце рассказа стояла подпись — Н. Тихонов.³ Николай Семенович Тихонов — поэт, прозаик, переводчик, участник кружка «Серapiионовы братья», автор книг «Орда: Стихи. 1920–1921» (1922) и «Брага: Вторая книга стихов» (1922).

В рассказе «Жилка» повествуется о приключениях главного героя Кухарева, который на войне служил бомбометателем. Узнав, что его приятелей отпускают с войны, так как у них слишком большой возраст, он тоже решил попытаться демобилизоваться. Рискованное предложение своего приятеля Пробки он отклонил: «А в руке у него (Пробки — М.К.) спичечный коробок. Открыл его — шевелится там гадина плоскоспинная.

— Дай, говорит, покусать тебя немножко и пойдешь ты домой по чистой. Не иначе, это тифозная...

Брякнул я оземь коробок и потоптался слегка ногой:

— Нет, отвечаю: жалко мне кровь свою поганить о такую политику, уйду я поиному. А-то буду ждать крайнего декрета насчет моего самоопределения».⁴

Кухарев притворился больным, и его направили на пересыльный пункт. На пересыльном пункте его отказались демобилизовать и направили в специальную комиссию по демобилизации. Кухарев, надеясь демобилизоваться, стал расписывать свои болезни: «Посмотрите, за левым ухом — пятно. Пузырь вздуло гнилой, от жиров и воды нехорошей... должно быть... Посмотрел писарь. Да. — соглашается: точно, пятно у вас есть и цвета коричневого. А пятно то было с родительского, так сказать, благословения, в купели еще его прополаскивали — не помогало».⁵

Тематически этот рассказ связан с книгой М. Зощенко «Рассказы Назара Ильича господина Синябрюхова» (далее — «Рассказы Назара Ильича...»). Мы попытаемся доказать, что рассказ «Жилка», несмотря на подпись «Н. Тихонов», принадлежит М. Зощенко. Для этого мы сопоставим приемы написания «Жилки» и «Рассказов Назара Ильича...» и выявим ряд общих принципов построения этих текстов.

И в «Жилке» и в «Рассказах Назара Ильича...» в центре повествования стоит крестьянин, попавший на войну, которая описывается с его точки зрения. Рассказ «Жилка» интересен тем, что он, видимо, представляет собой переходную ступень от достаточно больших по объему рассказов из цикла «Рассказы Назара Ильича...» к знаменитому короткому рассказу М. Зощенко размером в страницу и меньше с его уникальной лексикой и интонацией. Приемы, которыми написана «Жилка», совпадают с приемами создания комического эффекта в «Рассказах Назара Ильича...». Как и в «Рассказах Назара Ильича...», так и в «Жилке» М. Зощенко использует инверсию именной группы. Например, «гадина плоскоспинная», «цвета коричневого» («Жилка») и «ужас смертный», «гнусь всякая», «супруга нестарая», «ноготь, приметил я, синий» и др. («Великосветская история», С. 78–80; «Виктория Казимировна», С. 87)⁶.

Также в «Жилке» и в «Рассказах Назара Ильича...» глагол часто стоит в начале предложения, что характерно для разговорной речи и почти не встречается в литературной речи. Например: «Ушел Егор косоглазый домой — попили с ним на расставанье», «Брякнул я оземь коробок», «Пришел я в Комиссию», «Сидят доктора и докторицы» и

т.д. («Жилка»). Ср. в «Рассказах Назара Ильича...»: «Принял я тюрьму и ужас смертный», «Был у меня задушевный приятель», «Собрал я свое барахлишко», «Поклонился я нызенько» и т.д. («Великосветская история», С.78, 80–81).

Другой прием, встречающийся в «Жилке» и в «Рассказах Назара Ильича...» — плеоназм (избыточный повтор компонентов смысла). Часто употребление плеоназмов создает в тексте юмористический эффект: «аванс жалованья», «ждать крайнего декрета насчет моего самоопределения (здесь и далее курсив мой — М.К.)» («Жилка»). Ср. в «Рассказах Назара Ильича...»: «одаренный качествами», «путем своей личной хитрости», «беспорядков не нарушаю» («Великосветская история», С.78; «Виктория Казимировна», С. 86; «Чертовинка», С. 96).

В «Жилке» один раз слово «бомба» употреблено в уменьшительном значении — «захотел уже я одну под себя бомбочку подложить» («Жилка»). В «Рассказах Назара Ильича...» использование слов с уменьшительным значением является уже устойчивым приемом: «службишку», «земляночки», «ножки», «ручку», «мешочке», «барахлишко», «домишко», «плечуку» и т.д. («Великосветская история», С.79–80, 84; «Виктория Казимировна», С. 87; «Чертовинка», С.95).

Юмористический эффект и иллюзия сказа возникают в «Жилке» и в «Рассказах Назара Ильича...» за счет введения большого количества случаев смещенной номинации, то есть описания объекта с помощью подходящих по смыслу слов, но не характерных для данного контекста. Например: «Вы <...> как **специальный человек**, уйти не можете» («Жилка»). Слово «специальный» употреблено вместо ожидаемого «необходимый», но в том же значении. См. также: «потому **годами вы человек неопределенный**» («Жилка»). Вместо слова «возраст» употреблено близкое по значению слово «года» («Жилка»). В следующем примере слово «врачи» заменено на такое же по значению, но менее ожидаемое «докторского диплома»: «Дам говорит не стесняйся — они вроде как и не дамы, а **докторского диплома**» («Жилка»). В «Рассказах Назара Ильича...» текст также изобилует случаями смещенной номинации: «А был князь ваше сиятельство со мной **все равно как на одной точке**» («Великосветская история», С. 79). Выделенные курсивом слова использованы вместо привычных и ожидаемых «на равных» или «на дружеской ноге» («Великосветская история», С. 79). В выражении «вдруг атмосферой на меня пахнуло» слово «атмосфера» по значению тождественно слову «воздух», но обычно не употребляется в таком контексте (Там же). См. также: «мальчик у ней — **сосун млекопитающийся**» (Там же, С.81); в выражении «из тюрьмы меня уволили»

смысл слова «уволили» употреблен в значении «освободили», но в сочетании с тюрьмой слово «уволили» порождает комический эффект, так как в данном контексте не может быть использовано («Чертовинка», С. 94). В «Рассказах Назара Ильича» и в «Жилке» встречается одинаковое употребление слова «никакой» в значении «отсутствие чего-либо»: «и вовсе никакой я специалист» («Жилка») и «да обо мне речь никакая» («Великосветская история», С. 78). Как кажется, выявление общих приемов написания «Жилки» и близких по времени написания «Рассказов Назара Ильича...» позволяет атрибутировать рассказ «Жилка» М. Зощенко, а не Н. Тихонову. В этом случае возникает вопрос: появление фамилии Тихонова под рассказом Зощенко намеренно или это результат ошибки?

Версия о том, что появление рассказа М. Зощенко с подписью «Н. Тихонов» лишь досадное недоразумение, опровергается материалами следующего 11 (октябрьского) номера журнал «Мухомор». В этом номере впервые появился рассказ М. Зощенко «Метафизика». ⁷ После военных «Рассказов Назара Ильича...» Зощенко сосредотачивается на изображении жизни обывателей. В рассказе «Метафизика» повествуется о влюбленности конторщика Винивитькина в Надюшу, которая предпочла ему комиссара «Губмогилы», начальника учреждения, в котором работает Винивитькин. Несколько страницами далее в том же журнале опубликован рассказ «Рок судьбы» из цикла «Рассказы бомбометателя» опять с подписью «Николай Тихонов». ⁸ Если бы подпись была случайно перепутана, едва ли через месяц в новом номере журнала рядом с рассказом М. Зощенко появился бы еще один его рассказ опять под другой фамилией. Скорее всего, Зощенко, внимательно следивший за своими публикациями, ⁹ потребовал бы от журнала поместить извинения, и в следующем номере рассказ «Рок судьбы» был бы подписан уже М. Зощенко. Этого не произошло, поэтому, как кажется, подпись Н. Тихонов под обоими рассказами не случайна.

Теперь, когда версия об ошибке исключена, попробуем выяснить, принадлежит ли рассказ «Рок судьбы» действительно Зощенко, и выдвинем предположение, объясняющее появление рассказов Зощенко с подписью Тихонова.

«Рок судьбы», как и «Жилка», тесно связан с поэтикой «Рассказов Назара Ильича...». В рассказе «Рок судьбы» появляются вводные слова, указывающие на косноязычие рассказчика: «выходит, это, скажем, человек из военной службы <...> Дышит он, конечно, на все стороны» («Рок судьбы»). В целом, приемы построения рассказа «Рок

судьбы» совпадают с приемами написания «Жилки» и «Рассказов Назара Ильича...». Приведем примеры использования этих приемов в рассказе «Рок судьбы». Выше мы говорили об инверсии именной группы как характерном приеме в «Жилке» и «Рассказах Назара Ильича...». То же самое наблюдается и в «Роке судьбы»: «**спекуляция** у меня там **верная**», «одолела сладость проклятая», «яд сахариновый убить», «человек, с виду непокладистый», «звезда во лбу сияющая» («Рок судьбы»).

Как и в «Жилке» и «Рассказах Назара Синебрюхова», в «Роке судьбы» глагол часто стоит на первом месте в предложении: «Выходит, это, скажем, человек из военной службы», «Дышит, он, конечно, на все стороны», «Отошли мы», «Пришли мы к нему», «Крутить эту машинку надо день и ночь», «Вышел я на площадь и думаю» и т.д. («Рок судьбы»).

В «Роке судьбы», как и в «Жилке» и в «Рассказах Назара Ильича...», используются плеоназмы для создания комического эффекта. Например, плеоназм «рок судьбы», вынесен в заглавие рассказа и несколько раз повторяется в тексте. Отметим так же плеоназм — «обязательный приказ» («Рок судьбы»). Речь рассказчика в «Роке судьбы» так же, как и язык Назара Ильича, строится на столкновении разных пластов речи. В частности, комический эффект вызывает частое употребление слов в уменьшительном значении: «**Квартирка** с собачий **домишко**, а посередине гудит **машинка**» («Рок судьбы»).

И, наконец, в «Роке судьбы», как и в вышеуказанных текстах, М. Зощенко часто используется прием смещенной номинации: «По электрическому проводу она (машина — М.К.) ходила» («Рок судьбы»). Рассказчик пытался сообщить, что машина работала с помощью электричества. Далее: «Сел в трамвай и поехал на самое дальнее расстояние» («Рок судьбы»). Слова «самое дальнее расстояние» употреблены в значении «далеко», но так как в таком контексте («в трамвае») сочетание «дальнее расстояние» практически не встречается, они задерживают внимание читателя на этой фразе и создают впечатление косноязычной речи. Ср. также выражение «отыскал самую **серьезную комнату**», в котором слова «серьезная комната» употреблены в значении «помещение начальника, руководителя» («Рок судьбы»). См. также «**никакого отношения вы не чувствуете**», «**не одобряю я вашего сомнения**» и др. («Рок судьбы»).

Таким образом, «Жилка» и «Рок судьбы» написаны стилем, близким к «Рассказам Назара Ильича господина Синебрюхова» М. Зощенко. По всей видимости, Зощенко и является автором этих расска-

зов. Дополнительным весомым аргументом в пользу версии о Зошенко как реальном авторе. «Жилки» и «Рока судьбы» служит рукописный отрывок рассказа «Жилка», сохранившийся в материалах из редакционного портфеля «Мухомора» за 1921 год.¹⁰ Этот отрывок представляет собой вторую часть рассказа «Жилка», начинающийся словами «только отпустить вас никак не возможно, потому годами вы человек неопределенный» и до слов «Дали мне две селедки и хлеба горбушку и пошел я на все стороны». Этот отрывок, написанный рукой М. Зошенко, также содержит карандашные пометы, сделанные другим почерком и принадлежащие, по-видимому, редактору. Подпись под рассказом, написанная другими чернилами и уже третьим почерком значится, как и в журнале, «Н. Тихонов». Внизу страницы (край листа оборван) сохранилась карандашная редакторская пометка «II» и слева внизу по оборванной части листа частичка заглавной буквы, означающая, что рассказ имел вторую часть, которая была оторвана. По-видимому, под римской цифрой «II» находился рассказ «Рок судьбы», так как он был опубликован сразу после напечатания «Жилки», и перед названием второго рассказа стояла цифра «II».

Можно выдвинуть несколько версий появления подписи «Н. Тихонов» под рассказом.

Например, можно предположить, что для редакции журнала М. Зошенко переписал своим почерком рассказ, который в действительности написал Н. Тихонов. Этим объясняется разница в почерках. Но в этом случае совершенно непонятно, зачем М. Зошенко понадобилось переписывать рассказ Тихонова. И практически невероятно, чтобы Тихонов вдруг написал рассказ, да еще в абсолютно чужой ему манере. Тем более, что в «Мухоморе» Тихонов также печатал стихотворения, а не прозу. Так, в 6 июльском номере было опубликовано стихотворение Тихонова «Индия», а в следующем августовском номере было помещено его же сатирическое стихотворение «Кухня». Поэтому появление рассказа «Жилка» за подписью «Н. Тихонов» кажется еще более странным.

Версия о том, что Н. Тихонов присвоил себе рассказы Зошенко, без ведома последнего, является еще более фантастической. Ни в самом журнале, ни в переписке «серапионовых братьев» нет следов неизбежного в этом случае скандала. Все это указывает на то, что фамилия Тихонова была поставлена с ведома Зошенко, а, может быть, это вообще была его идея. Подпись в рукописи не является автографом Н. Тихонова, хотя и напоминает его почерк по написанию отдельных букв. Возможно, что подпись «Н. Тихонов» поставил сам Зошенко,

но с уверенностью утверждать сложно, тем более, что рассказ и подпись к нему сделаны разными чернилами.

Для чего Зоженко понадобилось подписывать свои рассказы другим именем? Можно выдвинуть несколько гипотез.

Известно, что Н. С. Тихонов был отличным рассказчиком. Например, В. Катаев называл его «дивным рассказчиком», а В. Каверин вспоминал, что Тихонов, хотя и рассказывал свои импровизированные романы «не очень умело, прямолинейно, грубовато, но зато с истинным воодушевлением».¹¹ Вполне вероятно, что на одном из серапионовских собраний Н. Тихонов рассказал несколько историй, а М. Зоженко запомнил их и записал в свойственном ему стиле.¹² В этом случае подпись «Н. Тихонов» под рассказом вполне объяснима, потому что формальным автором тогда является все же Тихонов, а Зоженко выступает лишь в качестве литературного обработчика. Заметим, что в «Рассказах Назара Ильича...» Зоженко снял свою фамилию с обложки, главным автором сделал Назара Синебрюхова, а себе также отвел роль всего лишь литературного правщика его рассказов.

Другая версия заключается в предположении, что публикация этих рассказов была элементом литературной игры или мистификации. В первые годы существования группы «Серапионовы братья» в 1921–1923 гг. ее участники большое значение придавали литературной игре и мистификациям. О. Костанди отмечал, что в кружке «Серапионовы братья» «формировался особый тип эксцентрического поведения, складывались определенные нормы кружкового общения, рождались своя литература и язык, создавались кружковые биографии».¹³ М. Зоженко был известен своей эксцентричностью, с удовольствием участвовал в литературных играх, смешивая жизнь и литературу, и, как и другие серапионы, уделял большое внимание формированию своей «кружковой биографии». Л. Б. Харитон в письме Л. Лунцу от 20 октября 1920-го года писала: «Зоженко возмущается, что люди перестали театрализоваться, стали слишком сами собой».¹⁴

В 1922 году Зоженко активно театрализовал свою жизнь. Он издал книгу «Рассказы Назара Ильича господина Синебрюхова» без своего имени на обложке, (автор значился только на титуле), а сама обложка была сделана по требованию Зоженко из грубой оберточной бумаги.¹⁵ Зоженко намеренно включил в биографию Назара Ильича ряд автобиографических черт и литературную биографию своего героя сделал фактом литературного быта серапионов. Назар Ильич из литературного героя превратился в почти реально существующего персонажа. Часто Зоженко подписывал свои рассказы «Назар Ильич Синебрю-

хов» при их публикации в сатирических журналах. Особенно часто его именем писатель пользовался в 1923 году — в журнале «Дрезина», например, в №2, 3, 4, 15 и др. Зощенко подписывал свои рассказы «Назар Синебрюхов». Такая же подпись стоит и под фельетонами в № 3 журнала «Красный ворон» за 1924 год и в «Ревизоре» (№ 4 и 6 за 1929 год). Инициалами «Н.С.» М. Зощенко подписывал свои рассказы в «Дрезине» (№ 7) за 1923 год и в «Красном вороне» (№ 6, 9 за 1924 год).

Соединение литературы и жизни было так интенсивно, что и спустя 5 лет серапионы вспоминали о Назаре Ильиче.¹⁶ Поэтому переменна фамилии под рассказом вполне могла быть элементом какой-нибудь литературной игры или мистификации «серапионов».

Обнаруженные факты позволяют включить в уже известный корпус текстов Зощенко еще два рассказа, а также уточнить дату начала сотрудничества Зощенко с тонкими сатирическими журналами. Это не декабрь 1922 года, как пишет Ю. В. Томашевский, а сентябрь этого же года.¹⁷

Приложение

Мухомор. 1922. № 10. С. 6–7.

Рассказы бомбометателя

Жилка

Стали тут солдат по домам распускать. Ушел Егор косоглазый домой — попили с ним на расставанье. Ушел Тимка — тоже попыхтели с самогоночкой, ну, тут не обидно. Годки старше меня. И вот вдруг Пробку отпускают. Бежит он ко мне и тычет в руку бутылку. — Иди, — говорит — раздавим по единой. — Едешь? — Еду! Домой: Прасковья обрадуется. Всех ходуном. Замирились совсем и вот значит соглашательно по домам...

— И меня тогда, говорю...

— Не знаю, как тебя, не знаю... В списке не видел.

— Что такое? Почему?

Пошел в канцелярию.

— Вы — говорят, товарищ Кухарев, как специальный человек, уйти не можете. Вы, говорят, в бомбометном положении, и как бомбы бросаете очень хорошо — вам еще оставаться.

Я туда — сюда — никакого резона. Я говорю: дайте мне тогда аванс жалованья моего, я пойду и буду пить. Меня к казначею.

Казначей слезил в сумочку свою с карманами и вытащил бумагу.

— Вот вам ведомость, распишитесь, а знаки будут через неделю. Нету, — говорит, — у государства знаков и идете вы спать...

Сел в угол, хлеб в горло не лезет. У кого там — Прасковья, хозяйство, дом — какой ни на есть, а у меня с 14 года бомбы одни дались, бултышки круглые, а что с них пользы и захотел уже я одну под себя бомбочку подложить, да вижу бежит ко мне Пробка, подгулял парень, подмокшел сильно, тычет рукой в руку и говорит: на, спасенье тебе. Живой рукой по домам.

А в руке у него спичечный коробок. Открыл его — шевелится там гадина плоскоспинная.

— Дай, говорит, покусать тебя немножко и пойдешь ты домой по чистой. Не иначе, это тифозная...

Брякнул я оземь коробок и потоптался слегка ногой:

— Нет, отвечаю: жалко мне кровь свою поганить о такую политику, уйду я поиному. А-то буду ждать крайнего декрета насчет моего самоопределения.

Уехал Пробка. И прикинулся я больным. Отправили меня, а стояли мы за городом, на пересыльный пункт.

Соображал я там, как все обделать. Объявился.

Спрашивают меня:

— Кто вы, товарищ, будете?

— Заболел я, — говорю — и был направлен в лазарет, а как по дороге выздоровел, так и вышло, что я могу демобилизации подлежать по законному освобождению...

— А чем вы больны были, что так скоро на ноги встали?

Вижу вопрос не без ехидства.

— Посмотрите за левым ухом — пятно. Пузырь вздуло гнилой, от жиров и воды нехорошей... должно быть...

Посмотрел писарь.

— Да, — соглашается: точно, пятно у вас есть и цвета коричневого.

А пятно то было с родительского, так сказать, благословения, в купели еще его прополаскивали — не помогало...

Только отпустить вас никак не возможно, потому годами вы человек неопределенный и никаких бумажных доказательств у вас нет. Пошлю я вас в Комиссию года удостоверить.

Пришел я в Комиссию. Сидят доктора и докторицы, и иные штатские при них состоящие, вроде гончих: все нюхают и на нюх прикидывают.

— Сколько лет? — спрашивают.

— Забыл, говорю. Память бомбой отшибло... За 30 наверное помню, а сколько—не знаю... Только обязательно даже за тридцать...

Не верят господа, лицами меняются, по своему говорят и между прочим:

— Раздевайся, велят, сейчас мы тебя рассмотрим и поставим тебе печатное право жителя. Дам говорит не стесняйся — они вроде как и не дамы, а докторского диплома...

Разделся я, стал истуканом, руки поднял:

— Смотрите, вот под мышкой волос у меня рыжий — четвертого десятка и зубы —шатуны шатунами, ухо стреляет иногда, к погоде, — и вовсе никакой я специалист...

Разсуждают: по волосу у него — одни года, по кости стукать — другие, а если жилку взять самую внутреннюю — возраст предельный. Поставили они крестики разные мелом на ребрах и на бумаге и ушли.

А на другой день: пожалуйста на освобождение. Жилка внутренняя перевес взяла.

Дали мне две селедки и хлеба горбушку и пошел я на все стороны.

Н. Тихонов

Мухомор. 1922.№ 11.С.6.

Рассказы бомбометателя

II. Рок судьбы

Выходит, это, скажем, человек из военной службы, и что же ему сначала делать? Дышит он, конечно, на все стороны, чтобы свободу свою почувствовать, а потом станет задумываться, потому что время сейчас такое, к раздумью располагающее.

Стою это на улице и думаю.

Вдруг за рукав меня хват! Оглядываюсь: стоит Пробка—и разясняет знаками: не иначе, как рок судьбы моей послан. Дело у него, видно, секретное, в сторонке его разговаривать нужно.

Отошли мы. Он и говорит:

— Большую ты мне помощь оказать можешь. Есть у меня заведение, к которому я тебя приставлю, — идем со мной и выручи...

Пришли мы к нему. Квартирка с собачий домишко, а посередине гудит машинка. Гудит и плюется. Плюнет — белыми кружечками комнату засыпет. Это, — разясняет Пробка, — сахарин. Что жрут его люди сейчас, — невозможно описать. Крутить эту машинку надо день

и ночь, и всю комнату заплывает она сахаринном. А воздух от него липкий и сладкий.

— Выручай, — говорит — меня, должен я отбыть в Москву, спекуляция у меня там верная, нужно кухонное мыло в заграничные цвета перекрасить, а ты за меня с машинкой тут покрути.

— Что-ж! Дело такое. Уехал он, а я стал за машинку, стоял 3 дня, а на 4-й одолела сладость проклятая. Все кишки сладкими стали, ем селедку — во рту изюм. Скулит машина. По электрическому проводу она ходила. Шум от нее стонущий. Опротивела мне. Человек я упрямый, и если что, — характер сейчас обнаружу. Ударил я ее легонько сапогом, да может и мимо, а она стань. Обозлилась скотина. Я ее и так, и этак. Стоит и плевать больше не хочет. Плюнул я тут сам, написал на клочке, чтоб скандалу не было, когда Пробка из Москвы с крашеным мылом вернется:

«Отравился сахаринном и, может, еще помру. Прощай, Пробка!»

Сел в трамвай и поехал на самое дальнее расстояние, чтобы яд сахаринный убить и тело проветрить. Спрашивает у меня кондукторша билет: даю ей деньги, а она — обратно.

— Такие, говорит, теперь не в моде. Дайте другие. А эти вчера из моды вышли, и обязательный приказ есть.

— Денег, — говорю, — больше у меня нет, а хотите: сахарину дам — две недели пить с ним будете, а сладко месяц будет.

Она думала, это я в насмешку, за звонок дернула и говорит:

— Гражданин, не задерживайте публику.

Вышел я на площадь и думаю: «Вот тебе и мирное положение!» И от сладости невомогу, и кондукторша обидела. Гляжу по сторонам. Вывеска висит: Военный штаб Красной Армии и прочее. Толкнулся я по лестнице в самый верх, отыскал самую серьезную комнату, сидит в ней человек, с виду непокладистый, а звезда во лбу сияющая.

— Что нужно, товарищ?

Я по дисциплине руки по швам и рапортую:

— Так и так. Конференция насчет мира кончилась, можно сказать, голым плюсом, и в газетах разрыв написан. А что такое разрыв, мы, люди военные, этому немного пообучены, и политика штатская нам все равно, как ни к чему — потому и хочу я опять в армию. Бомбы бросать умею и отлично далеко бросаю. Медали у меня на груди нет, а, если надо, представлю и значек за внимание.

Усмехнулся он боком и сказал:

— Политика, товарищ, не вашего ума дело, а мы больных лошадей по лазаретам устриваем, и бомбометных людей нам не надо. Если

лошадиной болезни у вас нет и к лошадям никакого отношения вы не чувствуете, — помочь вам ничем не можем. А бомбы скоро и совсем делать не будут.

Тут вышел у меня наружу характер:

— Человек вы, — говорю, — с военной звездой, и такие странности распространяете! Дело на разрыв пошло, и в газетах это большими буквами, а вы: чтоб бомб не было. Не одобряю я вашего сомнения.

Ну, тут не стоит долго говорить — только очутился я опять на площади. Таков, видно, рок судьбы ныне людям дан. Ходи кругом — деньги верны.

Николай Тихонов

Примечания

- ¹ В некоторых научных работах выход книги «Рассказы Назара Ильича господина Синябрюхова» датируется концом 1921 года. Это не совсем точно. Книга была издана не в декабре 1921 года, а в январе 1922 в издательстве «Эрато». В пользу этой даты свидетельствуют следующие факты. В «Летописи Дома Литераторов» от 1 декабря 1921 года на с. 9 публикуется сообщение о том, что в издательстве «Картонный домик» выходит книга М. Зощенко «Рассказы Назара Ильича господина Синябрюхова». Но уже 15 января 1922 года в той же «Летописи Дома Литераторов» на той же странице сообщается, что книжка Зощенко выйдет не в «Картонном Домике», а в издательстве «Эрато». Вероятно, один из владельцев издательства «Картонный Домик» Михаил Кузмин отказался печатать рассказы Зощенко. Этот эпизод лег в основу новеллы «Снова чепуха» в повести Зощенко «Перед восходом солнца». Книжка вышла с датой издания на обложке — 1922 г.
- ² Так, в № 7 за 1922 год было помещено стихотворение Н. Тихонова. «Кухня». (С.8); в 9 и 10 номерах журнала были помещены произведения Л. Лунца «В вагоне» (№ 9, с.3) и «Верная жена» (№ 10, с.2–3).
- ³ Тихонов Н. Рассказы бомбометателя. Жилка//Мухомор. 1922. № 10 (Сентябрь). С.6–7. (См. приложение). Здесь и далее при цитировании источников сохраняются особенности их орфографии и пунктуации.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Здесь и далее цитаты из «Рассказов Назара Ильича» приводятся по изданию: Зощенко М. Сочинения. 1920-е годы.: Рассказы и фельетоны. Сентиментальные повести. М. П. Синягин. Ранняя проза. СПб.: Кристалл, 2000. С.77–104.
- ⁷ Зощенко М. Метафизика//Мухомор.1922. № 11 (октябрь).
- ⁸ Тихонов Н. Рассказы бомбометателя. Рок судьбы//Мухомор. 1922.№ 11 (Октябрь). С.6. (См. приложение).
- ⁹ Например, в 1925 году, узнав, что один заключенный взял его рассказ переделал и выдал за свой, М. Зощенко написал гневное письмо в редакцию тюремного журнала с указанием на подлинное авторство рассказа «Счастливое детство» (См.: Рейкина М.А. Плагияту М. Зощенко: от «счастливого детства» к «тюремнымворотам»//Studia Slavica. Сборник научных трудов молодых филологов. III. Таллинн, 2003. С. 141–150 или интернет-ресурс: <http://www.sovlit.ru/articles/plagiarism.html>.

- ¹⁰ ОР РГБ. Ф. 784. Оп.27. Карт.31. Л.3 Датировка материалов 1921 г. не совсем точна — часть редакционных материалов была опубликована в разных номерах «Мухомора» за 1922 год.
- ¹¹ Котова М.А., Лекманов О. А. В лабиринтах романа-загадки: Комментарий к роману В. П. Катаева «Алмазный мой венец». М.: Аграф, 2004. С.218–219.
- ¹² Благодарим О.Лекманова за высказанную гипотезу о двойном авторстве рассказов.
- ¹³ Костанди О. Раннее творчество В. Каверина как литературный и культурный феномен. (Диссертация на соискание ученой степени доктора философии по русской филологии). Таллинн, 2001. С.23.
- ¹⁴ Лев Лунц и «Серapiиновы братья»/Публ. и коммент. Г.Керна//Новый журнал. 1966. кн. № 82. С. 179.
- ¹⁵ Полонская Е. Мое знакомство с Михаилом Зощенко//Вспоминая Михаила Зощенко.(Сост. и подг. текста Ю.Томашевского). Л.: Худ. лит., 1990. С.151–152.
- ¹⁶ Так, в юмористических стенгазетах «Серapiионовых братьев» также фигурирует Назар Ильич Синебрюхов в качестве уже не персонажа книг, а самостоятельно существующего человека: «В связи с упорными слухами о войне был замечен на Невском гражданин Назар Ильич Синебрюхов с натянутым на голову противогазом». (Газета «Вечерний Серapiион» от 1-го февраля 1927 года) (РГАЛИ. Ф.1501. Оп.1. Ед.хр. 148. Л.2.) А в стенной газете «Серapiионовых братьев» «Красный Серapiион.1921–1926» в рубрике «Местная хроника» была помещена следующая заметка: «Мих. Зощенко. Сейчас наблюдает над известными композиторами Геркеным и Шапориным, пишущими музыку для оперы «Дашь Варшаву» по запискам Синебрюхова» (Там же.Л.1).
- ¹⁷ Хронологическая канва жизни и творчества Михаила Зощенко. (Сост. Ю. Томашевский)//Лицо и маска Михаила Зощенко. М.: Олимп-ППП, 1994.С. 345.